

«УСАДЕБНАЯ КУЛЬТУРА» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Социокультурный аспект

Натану Давидовичу Тамарченко – к 70-летию

Как феномен русской культуры XIX века помещичья усадьба соединяла в себе расколотые в ходе петровских реформ части русской нации – дворянство и крестьянство – в одно целое. Одновременные всемирность и «почвенность» русской классической литературы во многом обусловлены тем, что ее создатели, европеизированные дворяне, благодаря усадебной близости с самобытным народом, сумели выразить его мирозерцание общеевропейским художественным языком. Напротив, городская разночинная интеллигенция Серебряного века, чуждая «усадебной культуре», утратила непосредственную связь с народом и создала литературу, далекую от русского национально-религиозного «предания», – не «почвенную», а «катастрофическую».

Ключевые слова: усадьба; дворянство; крестьянство; русская классическая литература; предание; интеллигенция; Серебряный век; беспочвенность; катастрофизм.

В последние два десятилетия в российской гуманитарной науке заметно возрос интерес к «усадебной культуре». В 1992 г. в стране было возрождено основанное еще в эпоху Серебряного века и упраздненное в СССР Общество изучения русской усадьбы (ОИРУ), которое за последние годы своей деятельности способствовало выходу в свет не одной сотне научных и популярных изданий, в том числе периодических (альманаха «Русская усадьба», журнала «Жизнь в усадьбе», каталога «Русские провинциальные усадьбы» и др.). Ряд исследователей (В.Г. Щукин, Е.Е. Дмитриева) говорят также о существовании особого «усадебного текста» в русской литературе XVIII–XX вв., наряду с «петербургским тек-

стом» (термин В.Н. Топорова). «Миф дворянского гнезда теснейшим образом связан с характером русской культуры ее классического периода... Мотив усадьбы приобретает... наиболее яркое, материальное воплощение, выражающее высшие достижения национального гения...», – пишет В.Г. Щукин¹. С одной стороны, русская помещичья усадьба – «пространство культуры <европеизированной – О.Б.>, но в естественном, природном ландшафте», с другой – сочетание, «включение в себя равно миров дворянского и крестьянского», – отмечают в фундаментальном исследовании, посвященном «усадебной культуре», Е. Дмитриева и О. Купцова².

Феномен «усадебной культуры» существовал в России сравнительно недолго: в чистом виде – с последней трети XVIII в. и до отмены крепостного права в 1861 г., т.е. всего около века. Начало «усадебной культуры» общепризнанно относится к 1762 г., времени издания манифеста Петра III «О вольности дворянства», освободившего дворян от обязательной службы государству и сохранившего за ними право на земле- и душевладение. Окончательно укрепили привилегированное и независимое (материально и юридически) положение «благородного сословия» в российском социуме указы Екатерины II, особенно «Жалованная грамота дворянству» 1785 г. «Освобожденные от обязательной военной службы дворяне получили возможность заниматься обустройством своих поместий, которые становятся не только источником средств к существованию, но постепенно уже к первой четверти XIX века превращаются в особое явление русской культуры, аккумулирующее энергию живущих в них людей и распространяющее свое влияние на окружающую провинциальную жизнь»³.

В России класс дворянства был численно невелик: общее число потомственных дворян, которые проживали в 371 собственно великорусских губерний европейской части страны, составляло всего лишь 274 тысячи человек. Из этого числа лишь одна треть владела крепостными. Однако на заметную роль в обществе могли претендовать лишь дворяне, владевшие

более чем 100 душами крепостных крестьян, а таких было всего 18,5 тысяч семей на многомиллионную Россию середины XIX в.⁴ Среднее дворянство, имевшее от 100 до 1000 душ крепостных, было наиболее влиятельной и активной группой. Живя зимой в городе, теплые месяцы (примерно полгода) оно проводило в своих поместьях и, таким образом, было своеобразным мостом между деревенско-крестьянской Россией и культурой современного ему Запада. Именно из рядов среднего дворянства вышло большинство видных политических и культурных деятелей царской России в XIX в. «Дворян среднего достатка больше всего интересовала культура – литература, театр, живопись, музыка, история, общественно-политические теории. Русская культура в большой степени порождена именно этим слоем дворянства в 18–19 тысяч семей, из чьих рядов и вышли таланты»⁵.

Со второй половины XVIII в. в русской провинции начинается невиданный ранее рост усадебного строительства. «Те, кому позволяли средства, обустроили свои усадьбы, руководствуясь европейской модой и собственными пристрастиями». Усадьба XVIII–XIX вв. – это «не только место для жизни, но и особый мир, сконцентрировавший в себе духовные ценности столетия. Именно в усадьбах, вдали от городской суеты, начинают складываться библиотеки... и портретные галереи...; коллекции физических и астрономических приборов..., старинных монет и минералов. Усадебная среда дала возможность сложиться такому уникальному явлению русской культуры, как крепостной театр»⁶. «Художественным перекрестком», где «черты крестьянского искусства трансформировались, приносиваясь к господским вкусам», назвала русскую дворянскую усадьбу О.С. Евангулова⁷. При всех издержках крепостничества, крестьяне, благодаря непосредственному, тесному и длительному общению с людьми из «образованного сословия» в условиях усадебной жизни, так или иначе затрагивались влиянием более высокого умственного развития, образованности как гуманитарной, так и профессиональной, более цивилизованных

форм жизни, быта. «Как это ни покажется... странным, – пишет Ю.М. Лотман, – следует сказать, что и крепостное право имело для истории русской культуры в целом некоторые положительные стороны. Именно на нем покоилась, пусть извращенная в своей основе, но все же определенная независимость дворян от власти – то, без чего культура невозможна»⁸.

Постепенно представление о высоком достоинстве и ответственности звания помещика распространялось среди дворян, становилось своеобразным идеалом патриотического служения, который выразили в своих произведениях Н.В. Гоголь («Русский помещик» в «Выбранных местах из переписки с друзьями», второй том «Мертвых душ»), славянофилы (например, А.С. Хомяков в «Разговоре в Подмосковной», Л.Н. Толстой (образ Николая Ростова как «хозяина» в Лысых горах в эпилоге «Войны и мира»). Прекрасно сказал об этом и А.С. Пушкин: «...Звание помещика есть та же служба. Заниматься управлением трех тысяч душ, коих все благосостояние зависит совершенно от нас, важнее, чем командовать взводом или переписывать дипломатические депеши... Небрежение, в котором оставляем мы наших крестьян, непростительно»⁹.

В «Очерках прошлого» (1910–1911) М.О. Гершензон с ностальгией, присущей «беспочвенно»-интеллигентскому Серебряному веку, воспроизводит быт и нравы усадебной жизни в Долбине (имении славянофилов Киреевских – *О.Б.*) и связывает именно с этим укладом возникновение особого типа культурных деятелей. Так, родители Ивана и Петра Киреевских соединяли «с почвенностью замечательную... образованность»: знание нескольких иностранных языков, умение музицировать, переписку с выдающимися деятелями западноевропейской культуры, занятия медициной и естественными науками, любовь к художественной литературе и т.д. При этом в Долбине сохранялась «во всей силе та близость усадьбы с народом, тот открытый приток народного элемента в господскую жизнь, которые

отличали помещичий быт старого времени». Братья Киреевские, по мысли М.О. Гершензона, были «отростками» «целой культуры» – «культуры старого помещного дворянства, еще не оторванной от народной почвы, напротив, во многом близкой к ней и сознательно дорожившей этой близостью». Неудивительно, что в славянофильстве как целом «обрела себе голос народная стихия», что его представители «были в своем мышлении каналами, чрез которые в русское общественное сознание хлынуло веками накопившееся, как подземные воды, мирознание русского народа»¹⁰, другими словами – русское национально-религиозное «предание».

Славянофильство было, пожалуй, самым ярким и непосредственным выражением «усадебной культуры», однако во многом она определила и мирозерцание дворян западнической ориентации (например, творчество А.И. Герцена и Ф.М. Достоевского 1840-х гг., И.С. Тургенева, М.Е.Салтыкова-Щедрина 1850-х гг., поэзию Н.А. Некрасова и др.). Более того, В.Г. Щукин отмечает, что именно западники внесли определяющий вклад в создание «усадебного текста» русской литературы¹¹, который послужил серьезным подспорьем для появления в России XIX в. целого пласта интеллектуально независимых индивидуальностей-личностей. В Спасском-Лутовинове (имении Тургенева – *О.Б.*) и на даче в Соколове (имении Герцена – *О.Б.*) предпринимались попытки практического применения, в том числе и по отношению к людям из народа (например, рассказ Тургенева «Хорь и Калиныч»), «главного идеала западников – мечты об уважении к достоинству отдельно взятой человеческой личности, которое и составляет главную цель исторического прогресса»¹².

Конечно, эпоха «усадебной культуры» в России имела и довольно мрачные стороны, также многогранно отраженные в русской классической литературе (в творчестве Пушкина, Гоголя, Тургенева, Некрасова, Н.С. Лескова, Ф.М. Достоевского и многих других). Вопиющее социальное неравенство, многочисленные злоупотребления помещиков, произвол вла-

стей по отношению к крестьянам – все это имело место, однако не могло зачеркнуть того факта, что именно в рамках «усадебной культуры» исторически, эмпирически, *практически*, а не умозрительно, происходило религиозно-нравственное и культурно-психологическое *воссоединение* двух частей русской нации, разобщенных петровскими реформами: народа и «образованного сословия». Национальное единство, хоть и основанное на социальной несправедливости (крепостническом строе), существовало *на практике* в течение примерно полувека новой русской истории: с начала XIX в. (эпохи романтизма с его культом национальной самобытности, побудившим русское дворянство обратиться к собственным национальным истокам, а значит взглянуть на крестьян не только как на рабочую силу, но и как на хранителей «предания») – до 1861 г.

Особенно важно подчеркнуть, что русский культурный деятель из помещного дворянства, плод «усадебной культуры», типичный русский писатель-классик, сочетал в себе, подобно П.В. Киреевскому, «живой умственный интерес» с «крепким “земле своей своеземством”, – каким-то инстинктивным патриотическим консерватизмом»¹³. «Мирознание русского народа» (т.е. «предание») было рационализировано, оформлено и *развито* средствами европейской теоретической и художественной мысли, стало не только русской общенациональной ценностью, но достоянием всего культурного человечества. Оно стало предметом размышления не только славянофилов, но вместе с ними – всей русской классической литературы, даже в лице авторов западнической ориентации впитавшей в себя многие черты славянофильства¹⁴, по-видимому благодаря укорененности последних в «усадебной культуре». «Почвенность» русской классики, по нашему мнению, проистекает именно из этого источника, именно «усадебная культура» создавала противовес «отвлеченной мысли» западноевропейского происхождения, которая также была прекрасно освоена помещным дворянством.

Русская классическая культура, во многом благодаря своей «усадебности», строила себя на фундаменте сверхличного русского национально-религиозного «предания», с его полухристиански-полуязыческим культом земли, семьи, общины, с его многомерным мироощущением, несводимым к рациональным проекциям, с его живым чувством Божественного присутствия. Этим, к примеру, можно объяснить появление в произведениях западника-атеиста Тургенева таких глубочайших образов христианской религиозности, как Лиза Калитина в романе «Дворянское гнездо», Лукерья в рассказе «Живые мощи».

Таким образом, качество «почвенности» напрямую связано с принадлежностью к культуре «предания». «Простой народ», писал К.С. Аксаков, не «бессознательная масса», но «имеет глубинные основные убеждения», «это стихия разумная, имеющая нравственную волю», он «есть страж *предания* и блюститель старины», так как «*предание*, ... преемство жизни есть необходимое условие жизни»¹⁵. Однако, продолжает он, народность (т.е. в его понимании «почвенность») литературы «не столько в предмете изображения», сколько «в самом созерцании»¹⁶, т.е. в точке зрения автора, в степени его погруженности в стихию «предания». Можно поэтому (если продолжить мысль К.С. Аксакова) изображать и «чуждые формы» жизни, оставаясь при этом «истинно народным», как оценивал творчество Пушкина еще В.Г. Белинский.

Освобождение крестьян от крепостной зависимости в 1861 г. нанесло смертельный удар русской «усадебной культуре»: «несмотря на значительность своего вклада в национальную культуру, дворянство в России так и не смогло приспособиться к пореформенному существованию, в результате чего в культурной жизни образовался еще один разрыв»¹⁷. Осмысливая новую ситуацию, И.С. Аксаков писал в газете «День» (1862–1863): «До сих пор наше общество носило на себе характер преимущественно дворянский; даже самая литература наша может быть названа вообще дво-

рянскую или чиновную...» С отменой в 1762 г. обязательной дворянской службы, это сословие стало преимущественно «сословием землевладельческим» и отделялось от остальной «земли» только своими дарованными властью привилегиями, в первую очередь правом владения крестьянами. Теперь же происходит «самоуничтожение дворянства как сословия»¹⁸.

Интересно посмотреть, как все вышеописанное преломляется в романе Достоевского «Подросток» (1875). Здесь общим знаменателем европеизированного дворянско-интеллигентского и патриархального крестьянского миров выступает идеал «благообразия», или «порядка». К нему стремятся все: Версилов, Ахмакова, Макар, Софья, Аркадий..., – но каждый вкладывает в него особое содержание. К авторским размышлениям над этим понятием мы можем прикоснуться в подготовительных записях к «Подростку»: «Благообразие. “Ты искал его”. Нажитые Ростовы...»¹⁹. По мысли писателя, единственная сложившаяся в послепетровской России подлинно национальная форма – это жизнь «старинного» дворянства в своих поместьях рядом с крестьянами. Европейская образованность соприкасалась там с самобытной патриархальной традицией. Так хотя бы отчасти преодолевался роковой раскол русской нации, вызванный реформами XVIII в. В русской литературе лучшим изображением этого единства стали страницы романа Л.Н. Толстого «Война и мир», посвященные жизни Ростовых в Отрадном. В этом поместье дворяне и крестьяне – одна семья, у них одни и те же ценности, общие представления о Боге и смысле жизни, о родине и природе, о любви и семье. Это мир «родового предания и красивых законченных форм», «порядок, ... уже не предписанный, а самими наконец-то выжитый»²⁰. Однако «Война и мир» – роман исторический, в нем рассказывается о времени (1800–1810-х годах), далеко отстоящем от эпохи Достоевского. После же отмены крепостничества в 1861 г. поместное дворянство начинает деградировать в социально-экономическом плане, дворянско-крестьянская общность окончательно разрушается, и к 1870-м го-

дам, времени написания «Подростка», толстовский идеал «благообразия» навсегда уходит в прошлое. Этого «красивого типа уже нет в наше время», о нем можно писать только «в историческом роде»²¹, – резюмирует Достоевский устами одного из персонажей своего романа. Поэтому-то каждый из героев «Подростка», в эпоху «общего беспорядка и хаоса», бьется над поиском утраченного идеала, «угадывая и... ошибаясь»²² вместе со своим создателем.

Предваряя упрек в изображении усадебной жизни XIX в. в «идиллических тонах», заметим, что данная статья всего лишь попытка достигнуть равновесия в осмыслении этого феномена. Многие десятилетия акцент делался только на негативных его сторонах, прежде всего на крепостничестве, более того – на его злоупотреблениях. Совершенно в стороне оставались другие, несомненно позитивные для русской культуры, стороны дворянско-усадебной жизни: возвращение «образованного сословия» к земле, к народу, к национальным корням, просветительская и протекционистская деятельность дворян в своих поместьях, пример грамотного хозяйствования и т.п. Конечно, культурные, просвещенные и гуманные хозяева встречались среди помещиков не столь уж часто, но не так уж и редко; во всяком случае, такими были многие представители русской классической культуры: А.С. Хомяков, Киреевские, Н.П. Огарев, Е.А. Баратынский, Б.Н. Чичерин, Ф.И. Тютчев, Л.Н. Толстой и т.д. Как пишет современный историк С.Д. Домников, усадебный идеал «общего блага» «в той или иной степени разделяли в практической жизни все русские дворяне-помещики, решившие посвятить себя хозяйству»²³. Да и в самой русской литературе XIX в. было не только негативное изображение взаимоотношений крестьян и помещиков. Идея сословного единения пронизывает многие произведения Г.Р. Державина, В.Т. Нарезного, Вл. Соллогуба, Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого до «Исповеди», есть она – пусть только в нравственно-психологическом аспекте – и у Пушкина.

В определенном смысле дворянскую литературу, русскую классику, можно, перефразируя известное стихотворение Анны Ахматовой, назвать «цветком», выросшим из «сора» крепостничества²⁴. С массовым разорением дворянства и упадком «усадебной культуры» во второй половине XIX в. постепенно сходит на нет и великая русская литература XIX в. В 1860-е гг. на авансцену культурной жизни России выдвигается новый лидер – интеллигенция, с ее дуалистическим менталитетом, незнанием деревенской жизни, абстрактным (умозрительным), в отличие от усадебного дворянства, представлением о крестьянстве, пренебрежением к «преданию» наряду с социальным сочувствием к народу, враждебностью к дворянской культуре. В цикле статей «Русский Нил» В.В. Розанов отмечает, что в 1860–1870-е гг. в России «заново родился совершенно новый человек, до того не бывший в русской истории», «родился, а не преобразовался из прежнего, например человека 40-х годов». Это был «натуральный человек», «освободившийся от всех традиций истории»²⁵. Здесь точно отмечено отсутствие преемственности между дворянской и интеллигентской типами культуры, а конкретнее – между дворянской «идейностью» (человеком 1840-х гг., типом тургеневского Рудина, который, несмотря на провозглашаемые «передовые» идеи, на практике все же не смог увести девушку из родного дома без родительского благословения) и интеллигентским «идеологизмом» (когда «идейность» перестала сдерживаться традициями, т.е. «преданием»).

В 1905 г., в связи открытием в Петербурге историко-художественной выставки русских портретов, для подготовки которой он объездил около 100 помещичьих усадеб, С.П. Дягилев произнес следующую речь: «Не чувствуете ли вы, что длинная галерея портретов..., которыми я постарался заселить... залы Таврического дворца, – есть лишь грандиозный и убедительный итог, подводимый блестящему, но, увы, и омертвевшему периоду нашей истории <...> Конец быта здесь налицо.

Глухие заколоченные майораты, страшные своим умершим великолепием дворцы, странно обитаемые сегодняшними милыми, средними, не выносящими тяжести прежних парадов людьми. Здесь доживают не люди, а доживает быт. И вот... я совершенно убедился, что мы живем в страшную эпоху перелома, мы осуждены умереть, чтобы дать воскреснуть новой культуре...»²⁶

Картину вырождения дворянской усадьбы нарисовал И.А. Бунин в повестях «Деревня» (1909–1910) и «Суходол» (1911). «Поблизости помещики такая голь, что без хлеба по три дня сидят, последние ризы с икон продали, разбитого стекла вставить, крышу поправить не на что; окна подушками затыкают, а по полу, как дождь, лотки и ведра расставляют, — сквозь потолки как сквозь решето льет...», — рассуждает про себя герой «Деревни» Тихон Красов. Сам он, разбогатевший лавочник, внук крепостного, «доконал» потомка обнищавших Дурново, своих бывших господ, «полного, ласкового барчука, лысого на двадцать пятом году... И мужики так и ахнули от гордости, когда взял он дурновское именье: ведь чуть не вся Дурновка состоит из Красовых!»²⁷

Вырождение дворянства к началу XX в. сопровождается и деградацией крестьянской России. О взаимозависимости благополучия крестьян и дворян писал еще Пушкин в «Путешествии из Москвы в Петербург» (1834): «Судьба крестьянина улучшается со дня на день по мере распространения просвещения... Благосостояние крестьян тесно связано с благосостоянием помещиков; это очевидно для всякого»²⁸. У Бунина же деревня Дурновка, лишившаяся более-менее эффективного когда-то попечения помещиков, — средоточие дикости, невежества, страшного звериного быта, жестокости, порока; удручает разобщенность крестьян. Новый владелец Дурновки, выходец из своей же среды, вызывает у жителей прежде всего зависть и ненависть; впрочем, Тихон платит своим землякам той же монетой: «живорезы», «ни к черту не годный народ!»²⁹ Диссонансом, отзвуком

навсегда ушедшей эпохи, звучит в этом мрачном и безвыходном мире музыки, раздающаяся из старого усадебного дома господ Казаковых: «из темных раскрытых окон, из-за железных сеток от мух гремел рояль, покрываемый великолепным голосом, затейливыми вокализациями, совершенно не идущими ни к вечеру, ни к усадьбе», на старой липовой аллее которой – «грязный песок»³⁰.

В «Суходоле» автобиографический повествователь, потомок столбовых дворян Хрущевых, от своего лица рассуждает о судьбе дворянства и «усадебной культуры» с ее светлыми и мрачными сторонами: «за полвека почти исчезло с лица земли целое сословие, ... столько нас выродилось, сошло с ума, наложило руки на себя, спилось, опустилось и просто потерялось где-то!... не имеем мы ни даже малейшего точного представления о жизни не только предков наших, но и прадедов, ... с каждым днем все труднее становится нам вообразить даже то, что было полвека тому назад!»³¹ Хотя Бунин и делает акцент на негативных сторонах «усадебной культуры» эпохи крепостничества (Дурново – в «Деревне» – затравили борзыми прадеда братьев Красовых; Хрущевы – в «Суходоле» – «загоняли» крепостных в солдаты, запугивали их жен и т.п.), тем не менее он показывает, что старинная усадьба – это общий дом для дворян и крестьян: «Дворня, деревня и дом в Суходоле составляли одну семью»³², причем даже, зачастую, в прямом, кровно-родственном отношении. Писатель говорит об общности национального характера, одинаково проявлявшегося у господ и холопов, о единой системе ценностей у тех и других, в конце концов – об их общей судьбе, определяемой «преданием» и неразрывной связью с разоренной ныне усадьбой. Люди из народа, по Бунину, далеко не были только страдательной стороной в усадебном симбиозе: так, Герваська и Юшка психологически доминировали над своими господами, «бывшая раба» Наталья всем «высшим» строем своей души обязана суходольским барам.

Но теперь, констатирует повествователь, от этой культуры уже ничего не осталось: «то место, где стояла луневская усадьба, было уже давно распаханно и засеяно, как распахана, засеяна была земля на местах многих других усадеб», «уже и совсем пуста Суходольская усадьба». Даже могилы прадедов затерялись; чтобы возродить хоть какую-то память о былом, «надо сделать усилие»³³. Итак, нить «предания» порвана. Нет преемственности между участниками «усадебной культуры» и их потомками, слившимися с интеллигенцией (так, последний хозяин усадьбы Суходол в конце XIX в., «вырубив последние березы в саду, по частям сбыв почти всю пахотную землю, покинул ее... – ушел на службу, поступил кондуктором на железную дорогу»³⁴).

Интеллигентская позиция начала XX в. по отношению к дворянской культуре ярко выражена в уже упоминавшихся «Очерках прошлого» М.О. Гершензона. В заключение рассказа о П.В. Киреевском и его семье автор пишет: «Нам, нынешним, трудно понять славянофильство, потому что мы вырастали совершенно иначе – *катастрофически* <...> каждый из нас не вырастает естественно из культуры родительского дома, но совершает из нее головокружительный скачок... Вступая в самостоятельную жизнь, мы обыкновенно уже ничего не имеем наследственного... Я не знаю, что лучше: эта ли *беспочвенная* гибкость или тирания *традиции*»³⁵. Такое положение дел подтверждается и мемуарами Андрея Белого «На рубеже двух столетий» (см. «Введение», «Дети рубежа» из гл. 3, «Борьба за культуру» из гл. 4). «Статика, предвзятость, рутина, пошлость, ограниченность кругозора»³⁶ – так характеризует автор родственник и профессиональный круг своего отца, профессора Бугаева, круг, с которым резко прерывает.

С конца XIX в. «усадебное мироощущение», в основе которого – «чувство преемственности поколений», «укорененность человека в исто-

рической почве», сменяется «мироощущением дачным»³⁷, исчерпывающе отраженным в творчестве А.П. Чехова, А.М. Горького и др.

Однако «ощущение реального разрушения усадьбы» парадоксально способствовало в Серебряном веке «воскрешению усадебной темы», составившей «мощный пласт» литературы этой эпохи³⁸. В июле-сентябре 1910 г. выходит специальный выпуск журнала «Старые годы», посвященный усадьбе, с программной вступительной статьей Н. Врангеля «Помещичья Россия»; художники-мирискусники (Л. Бакст, М. Добужинский, А. Бенуа) много работают над живописным образом-стилизацией русской усадьбы; в 1914 г. учреждается журнал «Столица и усадьба», по заданию которого совершил свой знаменитый объезд провинциальной России Г.К. Лукомский. Все эти темы и начинания можно объединить термином «пассеизм» (А.Н. Бенуа), подразумевающим попытку «жить в прошлом», «страстное предпочтение прошлого настоящему»³⁹. В «пассеизме», на наш взгляд, выразилась тяга интеллигентской культуры Серебряного века к дворянской усадебной «почвенности», которую сам Серебряный век уже не обладал.

Ностальгический разрыв этой эпохи с дворянско-усадебной культурой выразил в 1912 г. и Н.А. Бердяев: «Нам нет возврата к славянофильской уютности, к быту помещичьих усадеб. Усадьбы наши проданы, мы оторвались от бытовых связей с землей. Но мы живо чувствуем красоту этих усадеб и благородство иных чувств, с ними связанных»⁴⁰. Бердяев отчетливо отразил фундаментальные различия между мировоззренческими основами классической русской культуры XIX в. и культуры современного ему Серебряного века. Так, противопоставляя «крепкое, народное, земляное, органическое» начало славянофильства современной ему «воздушности», отмечая «религиозную беспочвенность» даже «мистической» (не говоря уж об атеистической) интеллигенции начала XX в., философ говорит об «ограниченности» хомяковского мирочувствия: «Под

ним земля не горела, почва не колебалась», как под деятелями Серебряного века; в хомяковских идеях «слишком преобладает стихия земляная над стихией воздушной, в них много глубины, но мало устремленности вверх и вдаль», отсутствуют «апокалиптические предчувствия»; «люди эти жили настоящим, ... верили в органический рост будущего». Бердяев практически отрицает основы русского «предания», главные черты которого Хомяков видел в семье и общине. «Русскому духу, – продолжает философ начала XX в., – чужда *мещанская* ограниченная семейственность, чуждо семейное строительство»; соборность как «духовный коллективизм» не привязана, по его мнению, к сельской общине, являющейся всего лишь «временной и изменяемой формой социального быта». Славянофилы, считает Бердяев, «выразили не все черты русского и славянского характера»; в пользу оседлости, они не обратили внимания на «вечное странничество» русских, их «бунт и мятежность». А это и есть определяющая черта русского национального характера – «апокалиптичность», «искание Града Грядущего»; «великая правда русских», не понятая Хомяковым (а значит, по логике Бердяева, всей русской классикой XIX в. как таковой, за исключением, может быть, Достоевского), «в том, что они не могут примириться с *этим градом земным*», «что они взыскуют Небесный Иерусалим, сходящий на землю. Этим русские радикально отличаются от людей Запада, прекрасно устроившихся и довольных, град свой имеющих»⁴¹.

Можно сказать, что революционные потрясения в России первых десятилетий XX в. во многом стали следствием обрисованной социокультурной «беспочвенности» Серебряного века, установки этой эпохи на апокалипсический «катастрофизм».

---

¹ Щукин В. Российский гений просвещения: исследования в области мифопоэтики и истории идей. М., 2007. С. 206.

² Дмитриева Е., Куцова О. Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. М., 2003. С. 16–17.

-
- ³ *Охлябинин С.* Повседневная жизнь русской усадьбы XIX века. М., 2006. С. 11–12.
- ⁴ См.: Там же. С. 149–150.
- ⁵ Там же. С. 13.
- ⁶ Мир русской усадьбы в литературе XVIII – начала XX века: хрестоматия / сост. и вступ. статья М.Д. Ковалева. М., 2006. С. 10–11.
- ⁷ *Евангулова О.С.* Художественная «вселенная» русской усадьбы. М., 2003. С. 25.
- ⁸ *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994. С. 28.
- ⁹ Цит. по: Мир русской усадьбы в литературе XVIII – начала XX века... С. 25.
- ¹⁰ *Гершензон М.О.* Грибоедовская Москва. П.Я. Чаадаев. Очерки прошлого. М., 1989. С. 319, 317, 319, 349.
- ¹¹ См. *Щукин В.* Указ. соч. С. 326.
- ¹² *Щукин В.* Между полюсами: об органичности и судьбоносности русского западничества // Вестник Европы. 2002. № 7–8. С. 184.
- ¹³ *Гершензон М.О.* Указ. соч. С. 319.
- ¹⁴ См. об этом: *Сухов А.Д.* Хомяков, философ славянофильства. М., 1993. С. 81–85.
- ¹⁵ *Аксаков К.С.* Эстетика и литературная критика. М., 1975. С. 375, 380.
- ¹⁶ Там же. С. 380.
- ¹⁷ *Лотман Ю.М.* Указ. соч. С. 27–28.
- ¹⁸ *Аксаков И.С.* Отчего так нелегко живется в России? / сост. и вступ. статья В.Н. Грекова. М., 2002. С. 393–394, 623–624, 633.
- ¹⁹ *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Л., 1972–1990. Т. 16. С. 441.
- ²⁰ Там же. Т. 13. С. 453.
- ²¹ Там же. С. 454.
- ²² Там же. С. 455.
- ²³ *Домников С.Д.* Мать-земля и Царь-город: Россия как традиционное общество. М., 2002. С. 569.
- ²⁴ В подтверждение этой мысли приведем параллель, которую проводит Ю.М. Лотман между дворянской культурой России эпохи крепостничества и культурой античной демократии классических Афин: «Странно было бы приукрашивать рабовладельческий строй и предполагать, что он не был связан с чудовищными злоупотреблениями. Но не менее странно было бы, глядя на статуи Фидия и Праксителя, читая Софокла или Эврипида, все время приговаривать: “Это все за счет труда рабов”... Рабовладельческое античное общество создало общечеловеческую культуру. У нас нет причин забывать, во что обошлось России превращение дворянства в замкнутое господствующее сословие, но нет причин забывать и о том, что дала русской и европейской цивилизации русская дворянская культура...» (Беседы о русской культуре... С. 40–41).
- ²⁵ *Розанов В.В.* Русский Нил // Русское слово. 1907. 24 июля.
- ²⁶ *Дмитриева Е.Е.* Русская усадьба: конец золотого века // Кануны и рубежи. Типы пограничных эпох – типы пограничного сознания: материалы российско-французской конференции: в 2 ч. Ч. 1. М., 2002. С. 286.
- ²⁷ *Бунин И.А.* Легкое дыхание: повести; рассказы. М., 2006. С. 323.
- ²⁸ *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: в 9 т. Т. 5. М., 1954. С. 169.
- ²⁹ *Бунин И.А.* Указ. соч. С. 431.
- ³⁰ Там же. С. 393.
- ³¹ Там же. С. 492.
- ³² Там же. С. 444.
- ³³ Там же. С. 492.
- ³⁴ Там же. С. 493.

---

³⁵ Гершензон М.О. Указ. соч. С. 315–316.

³⁶ Белый А. На рубеже двух столетий. М., 1989. С. 40–41.

³⁷ Дмитриева Е., Купцова О. Жизнь усадебного мифа... С. 161.

³⁸ Дмитриева Е.Е. Русская усадьба: конец золотого века // Кануны и рубежи... Ч. 1. С. 287.

³⁹ Цит. по: Адамович Г. Из старых тетрадей // Адамович Г. Одиночество и свобода. М., 1996. С. 380.

⁴⁰ Бердяев Н.А. Алексей Степанович Хомяков. М., 2005. С. 83.

⁴¹ Там же. С. 80, 181, 80, 82, 154, 155, 183.